

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-65-77

Научная статья

Бутылка с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста»

Э.Ф. Шафранская

Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

Сюжет романа Алисы Ганиевой «Жених и невеста» строится вокруг ожидаемой и несостоявшейся свадьбы — на фоне будней русскоговорящей нерусской жизни. В статье рассмотрен повествовательный ряд, сотканный из коранических и суфийских образов и мотивов, который можно рассматривать и как одну из интриг романа. Автор статьи пытается «дешифровать» мусульманский подтекст романа, надо полагать, неслучайный. В частности, рассмотрена мифопоэтика образа Халилбека, сквозного для всех текстов Алисы Ганиевой («Салам тебе, Далгат», «Шайтаны» и др.), корни которого ведут с кораническому метатексту, а именно к образу Хидра (или Хызыр-бобо). Совпадает ли писательская интенция с читательским восприятием — об этом рассуждает автор статьи.

Ключевые слова: суфизм, увайси, Хидр, символика зеленого цвета, кавказский текст, Алиса Ганиева

Все говорят: Кремль, Кремль.
Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел.
Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки

Все говорят: Халилбек, Халилбек... а я вот не пойму.
Алиса Ганиева. Жених и невеста

1. Введение

Художественное оформление обложки романа «Жених и невеста» содержит атрибуты свадебного обряда: в первом издании (2015) — белая фата, прикрепленная к клетке, недвусмысленно читается как метафора будущего заточения; во втором издании (2019) изображена со спины счастливая свадебная пара. Соб-

© Шафранская Э.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ственно, эти две обложки уже создают интригу в метатексте — они противостоят друг другу. С одной стороны, читатель получает установку: роман о грядущей свадьбе, главные роли действия вынесены в заглавие романа — жених и невеста; с другой стороны, по прочтении романа читатель понимает, что «свадебный» сюжет лишь повод, окно, чтобы заглянуть в иные сферы жизни: так развивается второй сюжет с персонажем по имени Халилбек. Возможно, именно он — главный герой.

Роман «Жених и невеста» входит в пласт русской литературы о нерусской жизни, существующей в сознании русского обывателя в виде набора ориентальных стереотипов, для которых характерно превосходство над «лицом кавказской национальности»:

Это было в девяностые. Вы не поверите, я был русский офицер, но я сочувствовал горцам, их свободолюбию. — Кажется, вы путаете девяностые с девятнадцатым веком, — засмеялась я, видя, как он завирается [1. С. 18].

Она чеченка!.. Я не чеченка... Черкешенка? Дагестанка [1. С. 17—19].

Ну, Патя, ты все-таки как русская. Не скажешь, что из Хачландии... [1. С. 153].

Содержание романа и его поэтику можно рассматривать в разных аспектах: кавказского текста русской культуры, иноэтнокультурного дискурса русской литературы, постколониальной проблематики в современной литературе, как палимпсест советских и постсоветских смыслов и реалий — все перечисленные ракурсы присутствуют в романе. Той или иной стороной они будут затронуты и в этой статье, однако ключевой фигурой нашей аналитики станет персонаж Халилбек.

2. Обсуждение

Основное действие романа (кроме экспозиции) происходит в дагестанском поселке (ни одного топонима, кроме Каспийского моря, в повествовании нет). Однако очевиден исторический факт — сталинская политика переселения народов: «Поселок, родившийся здесь лет пятьдесят назад у станции, начинался сразу за ней...» [1. С. 49] — людей насильно выселили с их родных исконных горных мест. С тех пор они утопают в пыли, а в дождливую погоду — в грязи, передвигаясь по главной улице, «Проспекту», по сути канаве, пересекающей поселок. Старики — бабушки и дедушки — еще помнят родной язык, их дети — плохо, а уж внуки говорят только по-русски, но их русский специфический, «в тьюбетейке» [2. С. 33], как сказал Сухбат Афлатуни.

Другие тексты писателя Алисы Ганиевой, образующие вместе с романом «Жених и невеста» единый «ганиевский дискурс», также фиксируют постколониальные итоги. В повести «Шайтаны» утрата родного языка сопряжена с поколениями:

Бабушка про учебу спрашивает, Бика, — стали переводить девушке. — Наш язык не знает она, — оправдывался чей-то голос. — Мои тоже не говорят. Я им на своем, они на русском, — произнесла одна из собравшихся [3. С. 89].

Там же кандидат в градоначальники «после короткого аварского вступления воздел кулак и заговорил на русском...» [3. С. 116—117]. Для такого «русского

языка в тюбетейке» свойственна эндемическая лексика, например, только из контекста понятно, что означает глагол «закрыться» — надеть хиджаб («А что, Ангела закрылась?» [1. С. 91]), а также тюркизмы, арабизмы и кораническая образность.

В повести «Салам тебе, Далгат!» местный писатель Яраги оплакивает и языки, и традиции родины:

Где ты мой, Дагестан? Кто погубил тебя?.. Где языки твои, где песни твои, где вековые стихи твои? все попрано, все попрано... [3. С. 71].

Емкое слово «традиция» включает разные сферы жизни, однако в контексте романа «Жених и невеста», как и в обиходе, под ним чаще всего понимается обрядовый фольклор, а также слово это, как правило, маркировано положительной коннотацией: пропаганда, официоз, учительский дискурс призывают всех «хранить традиции», «вернуться к традициям». Не все традиции (как и собственно фольклор) гуманны и этичны [4], есть опасные, вредные, бесчеловечные и глупые традиции. Именно такие изображены в романе «Жених и невеста». Поиск женихов для невесты, невест для жениха показан у Алисы Ганиевой в комическом ключе: ищут по старинке, с отсылкой к слухам и молве, к мнению соседок и свах («Весь поселок обсуждает» [1. С. 94]; «Тут больше слухи, злые языки» [1. С. 101]), а сами молодые проверяют информацию по социальным сетям.

Я ее страницу в интернете видел. Все время саму себя фотографирует. А еще картинки: котята, дети читают Коран, статус «я — дерзкая персона с 05 региона», состоит в группе «Красоточки-дагестаночки-мусульманочки» [1. С. 61].

Помимо безобидных культурных традиций, вызывающих этнографический интерес, — строго регламентированный и необычайно театрализованный порядок свадьбы [1. С. 72–75], свадебные проклятия, известные в фольклористике как «корильные» [1. С. 169], похороны и поминки

Ну что обычно соболезнующим гостям раздают?.. Сахар по три килограмма и полотенца [1. С. 105],

...Я и носков мужских накупила два мешка на случай чего, чтобы на моих похоронах раздали [1. С. 106],

описание, как устроена люлька для младенца [1. С. 83], — в романе представлены и жестокие: убийство за прелюбодеяние [1. С. 71], локальные религиозные войны между «правильными» и «неправильными» мусульманами, исламские требования к одежде («А ты в штанах наружу тоже выходишь?.. Ты бы хоть футболку сверху спустила...» [1. С. 192]), неприятие чужой культуры («Почему на велике, почему не в костюме?» [1. С. 41], почему танго, а не лезгинка), гомофобные настроения («Мне его родные говорили, он на женщин вообще не смотрит. На борьбу не ходит. Вместо борьбы какие-то парные танцы у него, кадрили» [1. С. 57]).

Все эти традиции помещены в постсоветскую реальность — с убийством правозащитников, с «ментовским беспределом» [1. С. 54], с ксенофобной пропагандой («посмотрите, какой разврат творится в Америке и Европе» [1. С. 137]) — и в пространство глобальной цивилизации («Я тебе по блютузу пришлю» [1. С. 94]).

Для космогонической картины мира любого сообщества и во все времена характерно присутствие авторитета: тотема ли, бога, святого, им может быть как реальный человек, так и мифологический образ. На территории, о которой идет речь в романе, в XIX веке имам Шамиль «из суфийского ордена Накшбанди создал независимое государство, которое отбивало натиск русских вплоть до 1959 года» [5. С. 27]. С тех пор суфийские традиции живы, то уходя в подполье — при советской власти, то возвращаясь — в постсоветский период. Персонажи-суфии из сакральных текстов и хадисов стали персонажами фольклора, а именно прецедентных текстов и изданной коммуникации.

Одним из таких святых был Хидр (в разных локальных и языковых традициях существует иная огласовка этого имени: Хадир, ал-Хадир, Хедр, Хизр, Хызр, Хызыр, но это один и тот же персонаж коранической мифологии [6]). Это имя не раз упомянуто в романе «Жених и невеста».

В суфийской традиции существует способ передачи духовного знания — *увайси* [7. С. 43]. Одним из участников увайси был Хидр. «Он так же, как в свое время Мухаммад, унаследовал божественное знание непосредственно от Бога, и с тех пор дух Хизра (или Хидра. — Э.Ш.) обучает ему мусульманских мистиков...» [7. С. 43]. «...Для суфиев ал-Хадир (или Хидр. — Э.Ш.) постепенно становится прототипом муршида» [8. С. 43], т.е. учителя.

В тексте Корана имя Хидр не упоминается, однако оно есть в комментариях к Корану [9. С. 728], сделанных к Суре «Пещера». В ней идет речь о путешествующих «к слиянию двух морей» [9. С. 329] Мусе и Иисусе Навине, решивших вернуться назад по своим же следам. «Они нашли там одного из Наших слуг, / Кому мы даровали милость от Себя / И научили мудрости и знанию от Нас» [9. С. 330]. Этот «один из Наших» и был Хидр.

Муса сказал ему (Хидру. — Э.Ш.):
«Могу ль я за тобой пойти,
Чтобы меня ты научил хоть части из того
Чему научен ты об Истинном Пути?»
Но тот ответил:
«Ты не сможешь сохранить терпение со мной
И как тебе быть терпеливым в тех (вещах),
Смысл которых для тебя неясен?»
Муса сказал:
«Если Аллаху так угодно,
Меня найдешь ты терпеливым;
Я не ослушаюсь тебя ни в чем»
(Сура 18: 66—69) [9. С. 330].

И Хидр, муршид, учитель, дает уроки Мусе. Первый урок: по дороге им попала лодка, Хидр вошел в нее и продырявил ее. Муса, не сдержавшись, сказал:

«Ты сделал в ней дыру,
Чтоб потопить сидящих в ней?
Как странно поведение твое!»

Ответил тот:

«Не я ли говорил тебе,

Что ты со мной не сможешь сохранить терпенье?» [9. С. 330].

Второй урок: путешествующим повстречался на пути юноша, Хидр убил его. Муса вновь не сдержался от укоров Хидру.

Третий урок: путешествующие зашли в селение, где им не было оказано никакого гостеприимства, однако Хидр, увидев стену, которая должна была развалиться, починил ее. После этого Хидр объясняет свои поступки:

Та лодка, что я продырявил,
Принадлежала беднякам,
Которые работали на море.
Я захотел ее испортить потому,
Что позади их находился царь,
Который силою захватывал все лодки.
Юнец, (которого убил я), —
Его родители благочестивы были в вере
И мы боялись: он им горе причинит
Своим неверием и непокорством.
И мы хотели, чтоб Господь их
Дал им взамен другого (сына),
Кто будет и (душою) чище,
И милосерднее в (сыновьем долге).
А (что касается) стены (в селенье):
Она принадлежала двум юнцам-сиротам,
И был под нею клад, что им принадлежал.
Отец их был благочестив,
И потому Господь твой пожелал
Достичь им зрелости и клад извлечь
По благосклонности Господней Воли.
Я не своим решением все это совершил —
(На то была Господня Воля!)
(Сура 18: 79—82) [9. С. 331].

«Этот рассказ с двояким смыслом будет служить классическим примером того разрыва, что существует между прилюдной ролью пророка и внутренним опытом святого», — резюмирует американский исламовед Карл Эрнст [5. С. 66].

В романе «Жених и невеста» Хидр упоминается в контексте с внесюжетным персонажем по имени Халилбек. Все говорят о Халилбеке: одни воздают ему хвалу, другие — хулу. И не только в этом романе. Халилбек, для прозы Алисы Ганиевой став сквозным персонажем, фигурирует и в повести «Салам тебе, Далгат!»: в ней сюжет построен как путь юноши Далгата на встречу с Халилбеком. Далгат должен передать ему какие-то документы, он ищет его в толпе, в застолье, на собрании, вроде бы уже настиг:

Далгат... смотрел на седой затылок Халилбека и ждал, когда сможет подойти поближе и выманить его в коридор. Но тут Халилбек обернулся к Далгату и оказался вовсе не Халилбеком... [3. С. 36].

Халилбек остается неуловимым до конца повести, в загадочном финале которой к Далгату из темноты приближается неизвестный человек со словами «Салам тебе, Далгат!» (Мы еще вернемся к этому таинственному человеку.) И в повести «Шайтаны» тоже говорят о Халилбеке как об авторитетном человеке.

Так, от повести к повести и, наконец, к роману прорастает образ Халилбека. В романе он получает почти законченный социальный портрет:

...Халилбек был той еще птицей. Он не занимал ни одной официальной должности, но при этом контролировал недвижимость в поселке и в городе, а также — чиновников всех мастей. Он являлся одновременно во все кабинеты, издавал собственные книги по благоустройству и процветанию всего мира, командовал бюрократами, якшался, как поговаривали, с бандитами, нянчил младенцев в подопечных больницах, кружил головы эстрадным певичкам и только больше полнел и здоровел от множущихся вокруг темных слухов. Без ведома Халилбека никто в округе не решался начать свое дело, купить участок, провести конференцию. Он вникал в дела, казалось бы, самые мелкие и вместе с тем стоял, если верить молве, за главнейшими рокировками, пропажами и судьбоносными решениями [1. С. 36].

Романная интрига разворачивается вокруг новой фазы в биографии Халилбека: его посадили в тюрьму. Выпустят — не выпустят, виновен — не виновен, одни на стороне Халилбека, другие против. Он ведь мальчика задавил; построил неблагодарным жителям поселка растленное казино (правда, его вскоре закрыли и отдали под детский приют); катер топором продырявил, чтобы его не конфисковали. Все эти «подвиги» нам уже знакомы по коранической мифологии — это уроки Хидра. Не только поселяне в сомнениях и догадках («А Халилбек... Он же, говорят, — Хидр... Что такое Хидр?.. Это же святой, наставник пророка Мусы... И появляется он в каком хочешь виде. Но чаще в зеленой одежде» [1. С. 188]), но и представители академической среды («Говорят, например, что он бессмертный. Что он — какой-то Хидр. — Перестань, да какой Хидр!.. А что? Это интересная тема... мифологизация живых современников... Он приходит в любом виде. Может и в виде жука, только зеленого. — Почему именно зеленого?.. Так говорит предание. Хидр — помощник людей, но люди обычно этого не понимают» [1. С. 250—251]).

В переводе с арабского Хидр — зеленый. Его имя связано «с растительным миром» [6]. На поселковой ферме упали надои молока, «а тут как раз Халилбек в поселок приехал. Идет с какой-то веточкой мимо фермы. Увидел, поговорил с командиром, погладил коров — и все. Молоко пошло» [1. С. 193].

Читатель знакомится не с собственно Халилбеком, а с мифологией о нем. О Халилбеке знают, о нем говорят, но встречаются с ним далеко не все. Его имя и дела, добрые и худые, ему приписываемые, — синтез локальных и коранических мотивов.

А вы знаете, — заговорщически понизила голос соседка постарше, — что про Халилбека говорят... А то, что он — святой, не слышали?.. В тюрьме от Халилбека даже на соседние камеры баракат исходит [1. С. 185—186].

Кому же из персонажей романа посчастливилось встретиться с Халилбеком (он же бессмертный Хидр) — отдельная интрига сюжета. Ключевое слово, свя-

занное с Хидром, — зеленый. В романе появляется человек «в зеленом» (и не только человек, он ведь «приходит в любом виде. Может и в виде жука, только зеленого») в начале повествования и в финале, а также в середине. Цвет множится в оттенки зеленой палитры: «салатовый», «изумрудный», «защитный». Теоретики суфизма Средневековья разработали целую систему семантизации цвета, связанную с телом человека и мистическим переживанием [5. С. 144–145]. Так, зеленому цвету — по системе братства Накшбанди — соответствует субстанция «совесть», расположенная в середине груди, а по системе братства Кубрави зеленый цвет — субстанция «истина», присущая человеческому типу «Печать Пророков» [5. С. 145].

Первое описание человека «в зеленом» сделано глазами рассказчицы. Надо отметить, способы повествования всех глав романа (их тринадцать) перемежаются: одна глава — от героини-рассказчицы, по имени Патимат, Патя, другая — от лица всеведущего повествователя. Главы “Ich-Erzählung” посвящены Пате, невесте; главы от повествователя — Марату, жениху. Каждый из них по своим личным обстоятельствам оказывается в родном поселке, приехав туда из Москвы; до поры они незнакомы; родители Марата срочно хотят его женить, так же судьбоносно — сейчас или никогда — хотят выдать замуж Патю. Хотят ли этого Марат и Патя? До встречи друг с другом не хотят. Каждый ищет свой путь в жизни, а судьба уготовила каждому из них Путь. Именно этим персонажам предначертано встретиться с Халилбеком.

На подмосковной даче, незадолго до приезда в родной поселок, Патя встречается с человеком «в зеленом»:

Из-под дерева за нами внимательно наблюдал мужчина лет пятидесяти, ничем, кроме зеленого плаща, не примечательный... Мужчина вытащил из непонятно откуда взявшейся старой авоськи большую бутылку с самодельной этикеткой, на которой виднелась буква «икс», а дальше неразборчиво [1. С. 16].

Все в этой «странной и неправдоподобной» [1. С. 65] ночевке на даче было для Пати как во сне или в тумане. Она пила вино из этой самой бутылки с наклейкой «Икс» («икс» — графический образ, это кириллическая X, читатель в конце концов догадывается, какие буквы были дальше: то ли Хидр, то ли Халилбек). Пила вся компания. Рассказывали притчи, проводили спиритический сеанс, то и дело повторяли, что «истина в вине». По прочтении романа читатель понимает, что все не случайно: Хидр отметил Патю, он выбрал ее себе в ученики. Как оказался мусульманский святой, праведник на подмосковной даче? К способностям святого, помимо прочего, относится «нахождение одновременно в двух местах» [5. С. 100]. Для святого не существует земной топографии. Хидр запомнил Патю, когда встретил ее восьмилетней девочкой, он был в облике Халилбека, так что если кто и видел Халилбека, в отличие от всех остальных романских персонажей, то это Патя. Вот ее рассказ:

Халилбек был там (в питейной. — Э.Ш.) в кругу завсегдатаев, невысокий, плотный, с круглым незапоминающимся лицом... Он взял со стола бокал из толстого зеленого стекла, протянул его мне... — Это вино. Детское, совсем слабенькое.

Халилбек смотрел на меня сверху вниз большими внимательными глазами, и я взяла его зеленый бокал, окинула взглядом собравшихся и выпила бурую, кислую

жидкость залпом... Вино Халилбека сотворило со мной странную штуку. Я заболела, но не чувствовала ни слабости, ни жалости к себе, ни плаксивой раздражительности. Мне вдруг стало светло и спокойно, а еще — совершенно ясно, что ничего ровным счетом не важно [1. С. 146—147].

И опять зеленый цвет, метонимически, посредством зеленого бокала, указывающий на сущность Халилбека — святого Хидра.

Почти два одинаковых состояния после принятия вина из рук Хидра испытала Пятя: один раз, когда ей было восемь лет, второй — двадцать шесть. Пятя прошла два этапа инициации в мир увайси, в мир суфийского знания, где вино — одно из средств приближения к Богу. Во славу винопития все поэты-суфии слагали гимны. Вино, несмотря на запрет в обыденной жизни мусульман, присутствует в пространстве коранического рая:

Поистине, для почитателей Аллаха
В Раю — пристанище благое:
Сады и виноградники,
И девы-сверстницы с округлыми грудями,
И чаши, полные до края
(Сура 79: 31—34) [9. С. 614].

Поистине, там праведники пребывать в блаженстве будут.
На возвышающихся ложах
Откроется им созерцанье (всех вещей).
Ты в лицах их узнаешь свет блаженства.
И чистым запечатанным вином дадут им жажду утолять,
И в завершение — сам мускус
(Сура 83: 22—25) [9. С. 620].

Второй персонаж, избранный Хидром, — Марат, жених. Сразу после любовного признания, после договоренности Марата и Пати о странной и скорой свадьбе 13 августа, к Марату подошел некто: он

заметил спешащего к нему через солончаки одышливого человека лет пятидесяти, в накинутом не по сезону грязно-салатовом плащике... Незнакомец поднял на него хитрые пронизательные глаза и пригласительным жестом раскрыл сумку. На свет выглянула большая бутылка с искрящимся горлышком [1. С. 284—285].

Это, конечно, тот же человек, что встретился Пате в подмосковном лесочке. Детали повторяются: «лет пятидесяти», особенные глаза, сумка/авоська, бутылка; правда, плащ пообтрепался, из «зеленого» превратился в «грязно-салатовый». Симметрично с кораническим сюжетом о Мусе и Хидре развивается диалог между Маратом и человеком в салатом плаще. Если источником знания Хидр называет «Господню Волю», то в ответ на вопрос Марата «А вы откуда все это знаете?» человек в салатом плаще отвечает: «Потому что я пью вино, а в вине — истина» [1. С. 290]. «Свадьбы может и не быть. Зависит от предопределения» [1. С. 291] — так «скрытый» Хидр поднимает Марата на новую ступень знания.

И путь открывается. И Марат следует по пути. Главное — он понял это после разговора с пьяницей (но читатель знает, что это Хидр. — Э.Ш.) — именно следовать по пути. А дальше — как сложится [1. С. 294].

«Зеленый» цвет мелькает и во второстепенных деталях, мрачных (кто-то в тюремном коридоре видел Халилбека, он был разбитый, «зеленый» [1. С. 222]) и комических (в академическом кабинете идет псевдонаучный разговор о Халилбеке, вдруг в дверях появляется большая дворняга, морда которой украшена изумрудным пятном

в форме австралийского континента... Это Халилбек! Халилбек! Он нас подслушивает!.. Не бойтесь! Это зеленка. Кто-то вылил на пса зеленку [1. С. 253]).

Не каждому дано распознать святого Хидра — только избранным, только годным для увайси. Например, в Средней Азии Хидр предстает в облике старца, «одаряющего изобилием и счастьем тех, кто воочию увидит его» [6].

Но если явился к тебе однажды белый старик и сел на пороге, а ты его не заметил, и ушел он, исчез, не испробовав твоего хлеба, не смочив бороды твоим чаем, — горе тебе, о случайный мой собеседник, ибо человек тот был Хызыр-бобо... Вот я пришел к тебе и уже ухожу — узнал ли ты меня по жесту, по запаху или хотя бы по слову моему, смертному, как подорожник возле курятника?.. [10. С. 29–30] —

таково видение Хидра/Хызыра поэтом Санджаром Янышевым. И здесь, как у Алисы Ганиевой, благодати святого удостоивается женщина, «встающая до света», сорок раз переписывающая Суру «Ясин», обретшая Путь.

Имя Хидра связано с морем — именно там повстречал его коранический Муса. «Мусульмане считают Хадира (или Хидра. — Э.Ш.) покровителем путешествующих по морю» [6].

В жизни Пати наступает новый этап ее духовной инициации: она затосковала о море.

Я вспомнила, что не купалась в море с самого приезда из Москвы... А теперь вдруг приспичило. В море, в море... [1. С. 272].

Но сначала Пятя обращается к своей бабушке: помоги, научи. Бабушка, как персонаж мифологического цикла, передающий свою мудрость внучке, как носитель сакрального архаического знания, подталкивает внучку к морю:

Ты же видела море?.. Кто обычно сидит на суше? Знатоки законов... Но есть те, которые ищут истину. Они заходят в море и ныряют за жемчугом на самое дно. Они — путешественники. И еще существуют третьи. Которые плавают в лодках, потому что так безопаснее...

— И кто такие эти третьи?

— Дошедшие до конца пути... Вот ты, я вижу, хочешь отправиться в путь, нырнуть за жемчугом, а мать твоя осталась на берегу. Тебе выбирать: остаться или двигаться [1. С. 270].

И Пятя выбирает море. Свадьба не случилась. Пятя, избавившись от неудобного свадебного платья, быстро переодевается в балахон и сначала едет, потом бежит к морю.

Станет легче, обязательно станет легче... А море становилось ближе и ближе, ближе и ближе [1. С. 314–315].

В суфийско-мифологической рецепции поступка Пати она обрела свой Путь; в реалистической — финал открыт.

То же и с Маратом, женихом Пати. Свадьба не состоялась, жениха похитили. Его подозревают в связи с ваххабитами, на него доносит завистливая и мстительная женщина, его пытается «утомившийся от избиений и мата» [1. С. 316] следователь. Марат, истерзанный, впадает в беспамятство: его посещают видения или сон, где он встречается с Хидром, что, по утверждению Джона С. Тримингэма, английского востоковеда, чрезвычайно важно [8. С. 192]: появление во сне ал-Хадира (или Хидра) «считалось решающим доводом, позволяющим избранному обосновать свое право на самостоятельный мистический Путь» [8. С. 224].

Маски сняты: на морском берегу Халилбек подливает Марату вино, неловко капающая «на свою защитного цвета футболку» [1. С. 315]. Марат обрел учителя, муршида, встал на путь увайси, как и Патя.

Некоторые суфийские практики ориентированы на повторение, тверждение слов [5. С. 127], такими словами в повествовании романа стали «тринадцатое августа», день свадьбы, которая оборвалась в тринадцатой главе — это отдельный сюжет в романе, насыщенный, динамичный, материализованный локальными этнографическими деталями и приметам глобальной культуры, проблемами постсоветского существования. Ожидание читателя, заданное обложкой и заглавием романа, не оправдалось, «и жили они счастливо...» не случилось.

Другой сюжет в романе — мистический, связанный с рефлексией главных персонажей. Рефлексия выражена неявно, обозначена полунамеками, полужразами. Именно она мотивирует встречу с таинственным человеком «в зеленом», муршидом, учителем. (Возможно, именно он приближался из темноты к Далгату в повести «Салам тебе, Далгат!».) В этом сюжете финал обнадеживающий: герои, став избранниками учителя, нашли свой путь. Финал также открытый. (В мистический сюжет романа встраивается и убийство Русика-гвоздя: с одной стороны, реалистический, это бандитские разборки, замешанные на гомофобии, с другой — архетипическое неприятие в исламском мире убежденных суфиев, выступающих против регламентации в поисках Бога. Русик вышел на улицу с плакатом «Я агностик». Об исторических параллелях такой казни можно см. здесь: [11. С. 11—12].)

Заключение

Рассмотренный повествовательный ряд, сотканный из коранических и суфийских образов и мотивов, — одна из интриг романа Алисы Ганиевой «Жених и невеста». Возможно, кто-то из читателей не сочтет нужным погружаться в этот ряд, ведь главный сюжет романа об ожидаемой и несостоявшейся свадьбе — на фоне будней русскоговорящей нерусской жизни — вполне самодостаточен. Тем не менее мусульманский подтекст романа неслучаен, он был необходим автору, который волею исторических «кульбитов» (или процессов, называемых колониальными и постколониальными) вписан в парадигму бикультурной, биментальной и билингвальной картины мира. Русская культура и литература вытекает не только из христианских архетипов, но и мусульманских, особенно в той истори-

ко-литературной фазе, которая начала свой отсчет с захвата Кавказа Российской империей вплоть до наших дней. Так, русский писатель Алиса Ганиева (как и другие авторы, находящиеся в стихии двух культур и языков) играет в современном литературном процессе, помимо прочего, роль медиатора между литературной метрополией (условно) и ее российскими окраинами.

Список литературы

1. *Ганиева А.* Жених и невеста: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
2. *Афлатуни С.* Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повесть-притча // Октябрь. 2006. № 9. С. 3–63.
3. *Ганиева А.* Салам тебе, Далгат!: Повесть, рассказ, эссе. М.: АСТ: Астрель, 2010.
4. *Дандес А.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Вост. лит., 2003.
5. *Эрнст К.* Суфизм / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002.
6. *Пиотровский М.Б.* Хадир // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2.
7. *Хисматуллин А.А.* Суфизм. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003.
8. *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А.А. Ставиской; под ред., предисл. О.Ф. Акимускина. М.: София; Гелиос, 2002.
9. Коран / пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. М.: РИПОЛ классик, 2004.
10. *Янышев С.* Умр. Новая книга обращений. М.: Арт хаус медиа, 2017.
11. *Андре Т.* Исламские мистики / пер. с нем. В.Г. Ноткиной. СПб.: Евразия, 2003.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.12.2019.

Дата принятия к печати: 08.01.2020

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Шафранская Э.Ф. Бутыль с надписью «Икс», или поиски неизвестного в романе Алисы Ганиевой «Жених и невеста» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 65–77. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-65-77

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

The Bottle Inscribed with “X”, or Search for the Unknown in Alisa Ganieva’s Novel “The Groom and the Bride”

E.F. Shafranskaya

Russian state University for the Humanities
6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation
Moscow Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

The plot of Alisa Ganieva’s novel “The Groom and the Bride” is built around the expected and failed wedding, given against the background of everyday Russian-speaking non-Russian life. The article considers a narrative series woven from Quranic and Sufi images and motifs which can be considered as one of the intrigues of the novel. The author of the article tries to “decipher” the Muslim subtext of the novel, which, presumably, is not accidental. In particular, the mythopoetics of the image of Khalilbek is examined, perforating for all texts of Alisa Ganieva (“Salam, Dalgat”, “Shaitans”, etc.), whose roots lead to the Quranic metatext, namely to the image of Khidr (or Khizir-Bobo). Whether the writer’s intention coincides with the reader’s perception is argued by the author of the article.

Key words: Sufism, uwaisi, Khidr, symbolism of green color, Caucasian text, Alisa Ganieva

References

1. Ganieva, A. 2019. *Zhenih i nevesta: Roman*. Moscow: AST: Redakciya Eleny Shubinoj publ. Print. (In Russ.)
2. Aflatuni, S. 2006. Glinyanye bukvy, plyvushhie yabloki: Povest’-pritcha [Clay letters, the floating apples]. *Journal Oktyabr’*. 9: 3—63. Print. (In Russ.)
3. Ganieva, A. 2010. *Salam tebe, Dalgat!: Povest’, rasskaz, esse [Salam to you, Dalgat!]*. Moscow: AST: Astrel publ. Print. (In Russ.)
4. Dandes, A. 2003. *Fol’klor: semiotika i/ili psixoanaliz [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]*. Moscow: East literature publ. Print. (In Russ.)
5. Ernst, K. 2002. *Sufizm [Sufism]*. Translated by A. Garkavyi. Moscow: FAIR-PRESS publ. Print. (In Russ.)
6. Piotrovskij, M.B. 1992. Xadir [Hadir]. In *Mify narodov mira: Enciklopediya: V 2 t. [Myths of people of the world: Encyclopedia: In 2 t.]*. Moscow: Soviet encyclopedia publ. T. 2. Print. (In Russ.)
7. Xismatullin, A.A. 2003. *Sufizm [Sufism]*. St. Petersburg: Azbuka-klassika; St. Petersburg oriental studies publ. Print. (In Russ.)
8. Trimingem, Dzh.S. 2002. *Sufijskie ordeny v islame [Sufi ordena in Islam]*. Translated by A.A. Staviskaya. Moscow: Sofiya; Gelios publ. Print. (In Russ.)
9. Porohova, V., eds. 2004. *Koran [Koran]*. Translated by Iman Valeriya Porohova. Moscow: RIPOL klassik publ. Print. (In Russ.)
10. Yanyshv, S. 2017. *Umr. Novaya kniga obrashhenij [Umr. New book references]*. Moscow: Art xaus media publ. Print. (In Russ.)
11. Andre, T. 2003. *Islamskie mistiki [Islamic mystics]*. Translated by V.G. Notkina. St. Petersburg: Evraziya publ. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 08.12.2019

Accepted: 08.01.2020

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Shafranskaya, E.F. “The Bottle Inscribed with “X”, or Search for the Unknown in Alisa Ganieva’s novel “The Groom and the Bride””. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (1), 65–77. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-1-65-77

Bio Notes:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. E-mail: shafranskayaef@mail.ru